

У двери комнаты 906 стоял знакомый охранник, и Лу Чжися снова едва сдержала слёзы. На этот раз она точно плакала перед нужной комнатой, верно?

Она бросилась к двери, но охранник остановил её, заявив:

— Простите, сейчас вы не можете войти.

Лу Чжися не могла войти, но и уходить не собиралась. Она хотела убедиться в безопасности Шэнь Ваньцин.

Охранник, стоявший у двери, с каменным лицом произнёс:

— Мы больше вас заботимся о безопасности госпожи Шэнь.

Смысл его слов был ясен: не лезьте не в своё дело.

На одежде Лу Чжися кровь уже засохла. Человек с крепким здоровьем, она в сентябре всё ещё носила белую футболку, которая теперь выглядела как кровавый шедевр.

Она стояла у двери, словно страж, и, бросив взгляд на ближайшего охранника, спросила:

— Госпожа Шэнь сильно ранена? Она уже пришла в себя?

— Пришла в себя. Наложили 29 швов, — ответил охранник, но его недовольство было направлено не на Лу Чжися.

Это звучало так, что сердце сжималось от боли. 29 швов.

Лу Чжися не хотела никого ненавидеть, но на этот раз её ненависть к Янь Мэнхуэй невозможно было искоренить.

Тогда, когда она спасла её, стоило бы поблагодарить Янь Мэнхуэй, но довести Шэнь Ваньцин до крайности, заставив её совершить отчаянный поступок, — это она простить не могла.

Одно дело — одно, другое — другое. Лу Чжися повторяла себе это в уме.

За добро нужно благодарить, а за зло — мстить. Нельзя одно уравнивать другим.

Она стояла у двери, погружённая в свои мысли, а в комнате Вэнь Вань сидела у кровати.

С момента её прихода Шэнь Ваньцин не проронила ни слова, как бы Вэнь Вань ни пыталась её уговорить.

— Я кое-что знаю о твоих делах с Янь Мэнхуэй, — сказала Вэнь Вань, надеясь, что та больше не будет так импульсивна. — Прошное осталось в прошлом. Ты уже достаточно отплатила Янь Мэнхуэй. Не будь настолько глупой, чтобы ставить на кон свою жизнь. Но и злить её тоже не стоит. В конце концов, вы дружили много лет, нужно сохранить лицо.

Шэнь Ваньцин смотрела в пустоту, не реагируя.

Вэнь Вань, казалось, уже привыкла к этому. Она встала и сказала:

— Что могла, я сделала. Если с тобой всё в порядке, я уйду.

— Не провожаю, — наконец произнесла Шэнь Ваньцин.

Вэнь Вань нашла это забавным:

— Жизнь как театр, но твоя игра становится всё хуже.

Шэнь Ваньцин слегка повернула голову и холодно ответила:

— Разве это плохо? Ты всегда будешь лучшей.

— Хм, — улыбка Вэнь Вань слегка потускнела. — Дальнейшие действия мне объяснять не нужно?

— Не провожаю, — Шэнь Ваньцин отвела взгляд.

Вэнь Вань несколько секунд смотрела на неё, затем развернулась и ушла.

Подойдя к двери, она, словно что-то вспомнив, предупредила:

— Не забудь о нашем соглашении.

— Даже смерть не заставит меня забыть, — Шэнь Ваньцин поспешно добавила:

— Можешь уходить. Впредь можешь не приходить. Я знаю, что сказать.

Когда Вэнь Вань вышла из комнаты, Лу Чжися явно удивилась.

Её оценивающий взгляд скользнул по ней, и, наконец, их глаза встретились. Вэнь Вань спросила:

— Пришла проведать госпожу Шэнь?

— Да.

Вэнь Вань оглядела охранников по бокам, с видом человека, который всё это уже видел, и многозначительно улыбнулась:

— Похоже, у вас с госпожой Шэнь очень близкие отношения.

Лу Чжися не была настроена на светскую беседу, слегка кивнула и посмотрела на охранника:

— Могу я войти?

Охранник понял её намёк и отошёл в сторону. Наконец она смогла увидеть Шэнь Ваньцин.

Хотя она и пыталась держать себя в руках, при виде лежащей на больничной кровати женщины слёзы снова хлынули ручьём.

Шэнь Ваньцин с лёгкой улыбкой произнесла:

— Плотину прорвало?

Лу Чжися, смущённая и раздражённая, ответила:

— Ты ещё шутишь! Почему ты не защищала себя как следует?

Она видела, как Шэнь Ваньцин сражается. Если бы та не дала слабину, Янь Мэнхуэй бы не удалось её ранить.

Шэнь Ваньцин была философски настроена: она задолжала Янь Мэнхуэй, и теперь отдала долг.

Лу Чжися только вздыхала, её сердце сжималось от боли, и она продолжала ворчать:

— Я просила тебя провести черту, но не говорила, чтобы ты причиняла себе вред!

Лу Чжися продолжала болтать, а Шэнь Ваньцин слушала. Когда та устала и сделала паузу, Шэнь Ваньцин спросила:

— Почему тебя не было здесь раньше?

Лу Чжися не рассказала всё, только упомянула, что спускалась оплатить счёт и перепутала этаж.

— Серьёзно, сестра, это было так неловко. Я думала, что это ты, и начала плакать. А эта семья смотрела на меня, как на сумасшедшую, — Лу Чжися поделилась забавным случаем. Сама она смеялась, хотя другие не смеялись, и её глаза были красными от слёз.

Шэнь Ваньцин, поддавшись её настроению, тоже улыбнулась.

Слова Лу Чжися не нужно было анализировать слишком глубоко. По крайней мере, перед ней она использовала лишь простые уловки, и не разоблачать их было своего рода игрой.

Она шутила, она смеялась — всё это доставляло радость.

Но некоторые вещи всё же бросались в глаза.

— Скажи, стоит ли мне спрашивать о крови на твоей одежде? — спросила Шэнь Ваньцин спокойным тоном, но Лу Чжися восприняла это серьёзно и тихо ответила:

— Это просто... я спасла человека у входа в больницу. Она была вся в крови, и я тоже испачкалась.

— И всё?

— Да, — она почесала голову и попыталась сменить тему. — Сестра, сестра, как ты себя чувствуешь?

Шэнь Ваньцин не стала настаивать. Действие анестезии ещё не полностью прошло, и она пока не чувствовала боли, но её живот и поясница были туго забинтованы, и она чувствовала себя словно мумия.

Увидев, как Лу Чжися смотрит на неё с болью в глазах, Шэнь Ваньцин прямо сказала:

— Честно говоря, сейчас мне стало немного легче.

Этот долг давно давил на неё, и она чувствовала, что никак не может его искупить.

— Неважно, что она думает. Я действительно сделала всё, что могла, чтобы загладить свою вину, — Шэнь Ваньцин опустила глаза и с грустной улыбкой добавила:

— Но, видимо, все люди такие. Каждый хочет, чтобы другой поступал так, как ему нравится.

Янь Мэнхуэй хотела любви, но именно любовь нельзя подделать, особенно на всю жизнь.

— Янь Мэнхуэй думает только о себе, — Лу Чжися не отрицала свою предвзятость. Она любила Шэнь Ваньцин, и если бы на её месте была она, то без колебаний бросилась бы на помощь. Ей не нужно было, чтобы Шэнь Ваньцин искупала свою вину. — Она никогда не думала о том, как сильно это событие повлияло на тебя. Она действительно пострадала, но то, что она пострадала за тебя, и то, что ты узнала, что кто-то хотел тебя убить, — всё это причинило тебе ещё больше боли.

Шэнь Ваньцин слегка задумалась. Она не ожидала, что такой молодой человек сможет понять её мысли.

После того случая состояние Шэнь Ваньцин было крайне тяжёлым. Она чувствовала себя виноватой и предпочла бы всё пережить сама.

Сколько ночей она провела без сна, лежа в постели и думая, что кто-то внезапно выскочит и вонзит нож ей в горло или сердце.

Она шаг за шагом шла к шкафу, ища утешения, и запирала себя внутри.

Место, где она стала свидетельницей убийства, пугало её, но в то же время она находила в этом тесном и замкнутом пространстве какое-то чувство безопасности.

— Сестра, люди, которые слишком привязываются, обречены жить в тягость, — Лу Чжися сжала её руку и серьёзно сказала:

— Ты сделала достаточно. Если в будущем тебя будет мучить совесть, загладь вину деньгами, но не причиняй себе вреда.

Её голос дрожал, глаза покраснели. Лу Чжися сегодня действительно беспокоилась. Шэнь Ваньцин улыбнулась и сказала:

— Да, я знаю.

— Если знаешь, то так поступать тем более нельзя. Ты заслуживаешь наказания, — Лу Чжися с красными глазами выглядела решительно.

Шэнь Ваньцин показала свою мягкую сторону и согласилась:

— Тогда накажи меня.

Лу Чжися схватила её запястье, широко открыла рот, обнажив клыки.

Она укусила, конечно, не сильно, лишь слегка прикусила, и с насмешкой сказала:

— Видишь этот след от укуса? Это в наказание.

Шэнь Ваньцин подняла руку и погладила её по голове, улыбаясь:

— Глупенькая собачка.

Лу Чжися взяла её руку и прижала к своей щеке, глубоко глядя в глаза Шэнь Ваньцин.

Глубокие чувства в её взгляде могли утопить кого угодно. Шэнь Ваньцин взглянула в них, и её сердце забилося быстрее.

Она схватила запястье Лу Чжися и сказала:

— Подойди сюда.

Та послушалась, встала и наклонилась, чтобы дать ей конфету.

Тёплая, нежная, сладкая, как шёлк, — конфета оказалась действительно хорошей.

Лу Чжися больше не спрашивала о Янь Мэнхуэй. Она хорошо понимала намерения Шэнь Ваньцин. У неё был вспыльчивый характер, но раз за разом она ради Шэнь Ваньцин оставляла Янь Мэнхуэй в покое.

Теперь Шэнь Ваньцин расплачивалась с Янь Мэнхуэй своим способом. Лу Чжися болела душой, но не могла вмешаться. Она не расспрашивала о Янь Мэнхуэй, но Шэнь Ваньцин через охранников узнавала о ней.

Элитная сиделка ухаживала за ней, но Янь Мэнхуэй не очень сотрудничала. Вспомнив об этом, Шэнь Ваньцин достала из-под подушки телефон и отправила сообщение.

— Сестра, мой телефон сломался, — Лу Чжися вытащила его из кармана. Телефон не включался, и она вздохнула:

— Придётся купить новый.

Шэнь Ваньцин действовала быстрее её и отправила сообщение охраннику.

Вскоре охранник вошёл с новым телефоном, такой же модели, как у Шэнь Ваньцин, но другого цвета.

У Лу Чжися был чёрный, у Шэнь Ваньцин — белый.

<http://bllate.org/book/15534/1381726>